

ЭТО НЕ БЫЛ счастливый случай. Это был какой-то каскад счастливых случайностей, которые привели нас к встрече с Роберто Росселлини — «самым великим в мире кино из ныне живущих», как назвал его Даниэль Паскаль де Плантье, генеральный директор французской кинофирмы «Гомон».

Собственно, все и началось со слов Плантье, случайно оброненных в разговоре. Он жаловался: «В Париже сейчас никто ничего интересного не снимает. Мне нечего показать вам в павильонах. Впрочем, кажется, здесь Росселлини. Я слышал — он делает документальный фильм о Бобуре. Но согласился ли он дать интервью? Попробуйте...»

Роберто Росселлини в Париже! Мы уже не могли думать ни о чем другом. Поздно вечером по телефону удалось связаться с одним из помощников Росселлини. «Да, Мастер в Париже, но съемки идут с утра до ночи и маловероятно, что у него найдется время для журналистов... Рискните! Приезжайте завтра на съемки, а я попробую уговорить его на десятиминутное интервью...»

Мало на земле Мастеров, чьи творения сразу же становятся художественным и духовным достоянием людей всех континентов. Эти творения — книги, фильмы — вызывают больше чем восхищение. Они изрылаются в миллионах сердец, очищая их и заставляя биться уже в ином ритме. Фильм Роберто Росселлини «Рим — открытый город» потряс миллионы. Он обошел экраны планеты тридцать лет назад, но эхо этого взрыва до сих пор звучит в людях. Сейчас может показаться странным — что нового открыл этот фильм людям? Он ведь показал то, что они и так хорошо знали. Война, борьба с фашизмом. Борцы Сопротивления — стойкий коммунист и мужественный католический священник. Камера пыток. Безумные истязания. «Философствующий» палач. Расстрел патриотов...

«Рим — открытый город» действительно показал то, что многие пережили. Но его удивительная сила была в том, что он показал обнаженную, голую, полную правду войны. Фильм положил начало новому течению в киноискусстве — неореализму. И Росселлини по праву стали называть отцом неореализма.

Критики вскоре раскрыли секрет его фильма — эстетический секрет. Он состоял в тупетно бережном следовании документальности. У героев фильма были реальные прототипы, в картину вошли их подлинные поступки, слова, даже жесты. Росселлини ничего не выдумал. Он сдержал свою творческую фантазию, но отнюдь не творческое дерзание. Его фильм стал открытием искусства, способного показать на экране людей и мир такими, какими они были и какие есть.

Тема войны и Сопротивления стала в творчестве режиссера главной. Год спустя Росселлини снял фильм «Пайза» — о последних днях войны в Италии, о страхе и нищете, о зверской расправе фашистов над партизанами. Итальянские критики назвали картину «вершиной неореализма».

В 1959 году появился фильм «Генерал Делла Ровере». Трагический анекдот — мелкий шулер, которого фашисты уговорили выдать себя за якобы арестованного партизанского генерала, встретив в тюрьме истинных борцов, отказывается «играть» и идет на расстрел вместе со всеми уже как истинный боец — этот трагический анекдот Росселлини превратил в торжественный гимн борцам за свободу. В гимн Человечеству. Жюри Венецианского кинофестиваля присудило картине высшую награду — «Золотого льва».

Еще через год Росселлини снял картину «В Риме была ночь». И вновь это рассказ о стойкости и дружбе людей, борющихся с фашизмом. В роли русского солдата Федора снимался Сергей Бондарчук.

Последние пятнадцать лет Росселлини посвятил созданию своеобразной киноэпопеи, решив показать на кино- и телеэкранах историю человечества через судьбы выдающихся людей. Газеты сообщили в августе семьдесят седьмого года Росселлини намерен приступить к съемкам художественного фильма о Карле Марксе.

Да, нам было о чем расспросить режиссера, если такая возможность представится!

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ директор «Гомона» не ошибся. Росселлини действительно снимал в эти дни документальный фильм о Бобуре — так называли парижане только что открывшийся в районе Бобур Центр культуры имени Жоржа Помпиду. Встреча с Росселлини и должна была произойти там.

Несмотря на ранний час, у входа в это сооружение шумела тысячная толпа. Парижане пришли посмотреть на новое чудо. Ничего похожего в Париже еще не строилось. Бобур лишь отдаленно напоминает здание. В центре города, почти встык со старинными домами, встал новейший... «нефтеперегонный завод». Гигантские узкие цилиндры синих, красных, зеленых цветов тянутся к небу, образуя стены этого экзотического строения. Эскалаторы его не упряты внутри здания, а вынесены наружу — в виде прозрачных стеклянных «рукавов» — и с улицы было хорошо видно, как едут внутри этих «рукавов» люди, поднимаясь с этажа на этаж, и как затем пропадают за частоколом цилиндры: внутри Бобура разместились гигантская картинная галерея, библиотека, научные лаборатории, рестораны.

— Мсье Росселлини снимает сегодня на третьем этаже, в библиотеке, — сообщил нам билетер.

Зал библиотеки огромен. Люди расхаживают между длинными стеллажами, заставленными книгами «на все случаи жизни», рассеянно перелистывают толстые тома, тихо переговариваются. Детишки, усевшись на низкие мягкие скамейки, рассматривают цветные картинки. Но в зале не полыхает свет прожекторов, не видно кинокамеры. Может быть, съемки здесь уже закончились? Наконец замечаем какие-то фанерные щиты в углу зала. Заглядываем за эти щиты и оказываемся на съемочной площадке. На собранной из алюминиевых трубок вышке тихо урчит кинокамера. Рядом с оператором — Росселлини.

Он не выглядел моложе своих семидесяти лет: широкая полная фигура, реденькие волосы, одутловатое морщинистое лицо. И все же даже при беглом взгляде на него ошибиться было невозможно — это художник, человек высокого интеллекта, Мастер.

Он стоял на вышке, широко расставив ноги, словно капитан на корабельном мостике, и, глядя в зал, куда была нацелена объективом камера, давал указания оператору.

— О, эти две мадам в светлых шляпах просто очаровательны! Сни-

жет много дать людям. Я считаю, что деятель кино — прежде всего человек, а уж потом артист. Фильмы артистов — людей, увлеченных формой, бывают хорошими, порой интеллигентские украшения в какой-нибудь картине очень интересны. Но не они важны. Важно научить человека быть человеком. Да, да, у всех у нас на земле одна профессия — быть человеком.

Я верю в людей. И верю, что кино для них не только развлечение. Если экран дает им серьезную информацию о мире — они ее понимают и принимают. Культурная, просветительная функция кино — как она нужна сейчас!

— Так или иначе, но нынешний кинематограф Запада влияет на людей. Как вы считаете — он делает человека лучше или хуже?

— Увы, сегодняшнее кино делает человека хуже. Большинство картин пронизано неверием в людскую справедливость, честность, доброту. В свое время Маркс тоже говорил о порабощенности людей, но он верил в их освобождение. Если мы в кино не противопоставим гуманизм жестокости, будет катастрофа.

Кино идет сейчас не по пути прогресса. Кинематограф серьезно бо-

Воспоминание о мастере

ми-ка их — как они делают вид, что листают книги, а на самом деле разглядывают посетителя...

— Теперь левее! Вот тот бородач — парень действительно заинтересовался книгой. Возьми его крупнее. Он пришел сюда не фанснить. а это уже редкость.

— Стоп! Сейчас слева появится юная красота. Посмотрим, что ее интересует тут? О, боже! — ее заинтересовали потолки. Снимай скорее... Потолки как источник знаний — это восхитительно!..

Было ясно, что Росселлини снимает настоящих посетителей, снимает не «под документ», как это стало модно в последние годы, а сам документ — реальную жизнь. И, судя по его «комментариям», находится в ней массу любопытного... Наконец с вышки звучит:

— Баста! Мы взяли с этой точки все, что можно. Переходим на другую площадку.

Он спускается по лесенке вниз. Несколько рабочих тут же начинают разбирать вышку и уносить алюминиевые трубки в другой конец зала. Кто-то приносит Мастеру стул. Он садится, закуривает сигарету. Его помощник — тот, что обещал «спорядить» за нас, что-то говорит, показывая рукой в нашу сторону. Мастер согласно кивает головой. Повернувшись к нам, помощник победно вскидывает распотыренные ладони. Все ясно: десять минут в нашем распоряжении!

ПЕРВЫЙ вопрос задает... Росселлини:

— О чем вы хотите поговорить со мной? Об этом фильме? Видимо, ему самому хочется начать разговор со своей новой работы.

— Чем привлек вас парижский Центр культуры? Почему вы решили сделать о нем картину?

— Я очень любопытный человек. И этот Центр заинтересовал меня. Согласитесь — это ведь своеобразный архитектурный и культурный феномен. А всякий феномен интересен — он помогает познавать мир. Вот почему, когда министерство иностранных дел Франции предложило мне сделать документальный фильм о Бобуре, я согласился. Фильм будет небольшой, всего на 26 минут.

— Парижане далеко не единодушны в оценке этого сооружения. Одни считают, что Центр своей славой скоро затмит Эйфелеву башню. Другие говорят, что Центр ужасен — это издевательство над Парижем...

— Вы хотите знать мое мнение? Этот Центр — культурный терроризм, расхищение гигантских средств. Его создатели думали не о том, чтобы распространять культуру, а только о том, чтобы дать эмоцию. А все слишком эмоциональное — это уже иррационализм.

— Значит, ваш фильм — обвинение Бобуре?

— Я не ругаю в фильме Бобур: не хочу навязывать свою идею зрителю! Пусть он сам составит мнение об этом феномене. Я лишь покажу это сооружение. И еще включу в картину интервью с посетителями. Положительных и отрицательных оценок будет там поровну. Я не хочу дикторского текста, даже музыку не включу в картину — ведь она волей-неволей тоже настраивает зрителя на определенную оценку. А люди должны думать сами...

— Как вы оцениваете сегодняшний кинематограф Запада?

Росселлини оживает, вопрос, видимо, «в точку» — он интересен ему.

— О, кино сегодня в очень плохом состоянии. Каждый делает, что хочет и как хочет, преступно забывая об общественных функциях кино и телевидения в мире. А ведь изображение — это могучая сила. Оно мо-

жет много дать людям. Происходит неистовая гонка за успехом. Но ведь это проявление ограниченности. Художники должны проникнуться мечтой Маркса — увидеть человека полным, то есть всесторонне развитым. Кино должно помогать людям отбрасывать все старое, инерцию привычек, закостенелость ума...

— Некоторые художники Запада считают, что искусство и пропаганда несовместимы — одно убивает другое...

— Неправда! Надо толкать людей на определенные действия. Иначе идеи так и останутся абстрактными.

...Десять минут, отпущенные на интервью, давно прошли (к счастью, Росселлини этого, кажется, не заметил). Но мы не можем уйти, не задав Мастеру главного вопроса — о его будущем фильме. О картине, посвященной Марксу.

— Я практически уже готов делать этот фильм, — говорит Росселлини. — Вся подготовительная часть закончена: сценарий, актерские пробы, выбор мест съемок. В конце августа начинаю и в декабре надеюсь уже завершить картину. До вчерашнего дня я еще колебался — какой актер будет исполнять роль Маркса. Но сегодня ночью я принял окончательное решение. Имя этого актера вам ничего не скажет — он неизвестен. Но я специально выбрал такого актера. Зрители должны увидеть на экране Маркса, а не исполнителя.

Это будет сложный фильм. Я хочу даже в мельчайших деталях воспроизвести ту обстановку, в которой жил Маркс, в которой рождались его идеи, потрясшие мир. Нужно «построить» заводы того времени, улицы, дома. Документальность — вот чего я прежде всего добиваюсь. Ведь и сценарий я писал со своими помощниками, руководствуясь не фантазией, а документами. Мы изучили произведения Маркса и Энгельса, их переписку, воспоминания современников, газеты того времени.

Деньги на фильм я нашел с трудом. О, у нас продюсеры щедры только тогда, когда им предлагают снять очередную порноленту. А тут фильм о Марксе, да еще двухсерийный — на три часа! Но я подумываю о третьей серии этой картины...

Помощник Росселлини уже не с гневом — с мольбой смотрит на нас: съемочная группа простаивает больше часа. Нам ничего не остается, как поблагодарить Росселлини за интервью и распрощаться.

Через несколько дней мы узнали: Роберто Росселлини уехал из Парижа в Канны. Он был назначен председателем жюри Международного каннского кинофестиваля. А в начале июня телеграфные агентства мира сообщили печальную весть: прославленный кинорежиссер, отец неореализма, великий Роберто Росселлини умер.

Мы не увидим больше его фильмов. Не услышим его призывов к людской честности и доброте, к следованию гуманным принципам искусства, которых сам он придерживался всю свою долгую творческую жизнь. И все же нам хочется закончить свои — увы, воспоминания! — словами режиссера. Он произнес их перед открытием Каннского Фестиваля: «Вся история становления и развития кино показывает, что шедеврами мирового экрана становились лишь те произведения, которые отражали жизненные проблемы своего времени».

Э. АЛЕКСЕЕВ,
Ю. СКВОРЦОВ.

[Спец. корр. «Труда»].

ПАРИЖ — МОСКВА.